

ПРЕДИСЛОВИЕ

В апреле 1840 года я выпустил в свет первый номер нового еженедельника, ценой в три пенса, под названием «Часы мистера Хамфри». Предполагалось, что в этом еженедельнике будут печататься не только рассказы, очерки, эссе, но и большой роман с продолжением, которое должно следовать не из номера в номер, а так, как это представится возможным и нужным для задуманного мною издания.

Первая глава этого романа появилась в четвертом выпуске «Часов мистера Хамфри», когда я уже убедился в том, насколько неуместна такая беспорядочность в повременной печати, и когда читатели, как мне казалось, полностью разделили мое мнение. Я приступил к работе над большим романом с великим удовольствием и полагаю, что с не меньшим удовольствием его приняли и читатели. Будучи связан ранее взятыми на себя обязательствами, отрывающими меня от этой работы, я постарался как можно скорее избавиться от всяческих помех и, достигнув этого, с тех пор до окончания «Лавки древностей» помещал ее главу за главой в каждом очередном выпуске.

Когда роман был закончен, я решил освободить его от не имеющих к нему никакого касательства ассоциаций и промежуточного материала и изъять те страницы «Часов мистера Хамфри», которые печатались вперемежку с ним. И вот, подобно неоконченному рассказу о ненастной ночи и нотариусе в «Сентиментальном путешествии», они перешли в собственность

чемоданщика и маслодела. Признаюсь, мне очень не хотелось снабжать представителей этих почтенных ремесел начальными страницами оставленного мною замысла, где мистер Хамфри описывает самого себя и свой образ жизни. Сейчас я притворяюсь, будто вспоминаю об этом с философским спокойствием, как о событиях давно минувших, но тем не менее перо мое чуть заметно дрожит, выводя эти слова на бумаге. Впрочем, дело сделано, и сделано правильно, и «Часы мистера Хамфри» в первоначальном их виде, стигнув с белого света, стали одной из тех книг, которым цены нет, потому что их не прочитаешь ни за какие деньги, чего, как известно, нельзя сказать о других книгах.

Что касается самого романа, то я не собираюсь распространяться о нем здесь. Множество друзей, которых он подарил мне, множество сердец, которые он ко мне привлек, когда они были полны глубоко личного горя, придают ему ценность в моих глазах, далекую от общего значения и уходящую корнями «в иные пределы».

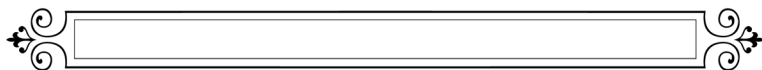
Скажу здесь только, что, работая над «Лавкой древностей», я все время старался окружить одинокую девочку странными, гротескными, но все же правдоподобными фигурами и собирал вокруг невинного личика, вокруг чистых помыслов маленькой Нелл галерею персонажей столь же причудливых и столь же несовместимых с ней, как те мрачные предметы, которые толпятся у ее постели, когда будущее ее лишь намечается.

Мистер Хамфри (до того, как он посвятил себя ремеслу чемоданщика и маслодела) должен был стать рассказчиком этой истории. Но поскольку я с самого начала задумал роман так, чтобы впоследствии выпустить его отдельной книжкой, кончина мистера Хамфри не потребовала никаких изменений.

В связи с «маленькой Нелл» у меня есть одно грустное, но вызывающее во мне чувство гордости воспоминание. Странствования ее еще не подошли к концу, когда в одном литературном журнале появилось эссе, главной темой которого была она, и в нем так вдумчиво, так красноречиво,

с такой нежностью говорилось о ней самой и о ее призрачных спутниках, что с моей стороны было бы полной бесчувственностью, если бы при чтении его я не испытал радости и какой-то особой бодрости духа. Долгие годы спустя, познакомившись с Томасом Гудом и видя, как болезнь медленно сводит его, полного мужества, в могилу, я узнал, что он-то и был автором того эссе.

ГЛАВА I

Хоть я и старик, мне приятнее всего гулять поздним вечером. Летом в деревне я часто выхожу спозаранку и часами брожу по полям и проселочным дорогам или исчезаю из дому сразу на несколько дней, а то и недель; но в городе мне почти не случается бывать на улице раньше наступления темноты, хоть я, благодаренье богу, как и всякое живое существо, люблю солнце и не могу не чувствовать, сколько радости оно проливает на землю.

Я пристрастился к этим поздним прогулкам как-то незаметно для самого себя — отчасти из-за своего телесного недостатка, а отчасти потому, что темнота больше располагает к размышлениям о нравах и делах тех, кого встречаешь на улицах. Ослепительный блеск и суетолака полдня не способствуют такому бесцельному занятию. Беглый взгляд на лицо, промелькнувшее в свете уличного фонаря или перед окном лавки, подчас открывает мне больше, чем встреча днем, а к тому же, говоря по правде, ночь в этом смысле добрее дня, которому свойственно грубо и без всякого сожаления разрушать наши едва возникшие иллюзии.

Вечное хождение взад и вперед, неугомонный шум, не стихающее ни на минуту шарканье подошв, способное сгладить и отшлифовать самый неровный булыжник, — как терпят все это обитатели узких улочек? Представьте больного, который лежит у себя дома где-нибудь в приходе Св. Мартина и, изнемогая от страданий, все же невольно (словно выполняя заданный урок)

старается отличить по звуку шаги ребенка от шагов взрослого, жалкие опорки нищенки от сапожек щеголя, бесцельное шата-нье с угла на угол от деловой походки, вялое ковылянье бродяги от бойкой поступи искателя приключений. Представьте себе гул и грохот, которые режут его слух, — непрерывный поток жизни, катящийся волну за волной сквозь его тревожные сны, словно он осужден из века в век лежать на шумном кладбище — лежать мертвым, но слышать все это без всякой надежды на покой.

А сколько пешеходов тянется в обе стороны по мостам — во всяком случае, по тем, где не взимают сборов! Остановливаясь погожим вечером у парапета, одни из них рассеянно смотрят на воду с неясной мыслью, что далеко-далеко отсюда эта река течет между зелеными берегами, мало-помалу разливаясь вширь, и наконец впадает в необъятное, безбрежное море; другие, сняв с плеч тяжелую ношу, глядят вниз и думают: какое счастье провести всю жизнь на ленивой, неповоротливой барже, посасывая трубочку да подремывая на брезенте, прокаленном горячими лучами солнца; а третьи — те, кто во многом отличен и от первых и от вторых, те, кто несет на плечах ношу, несравненно более тяжкую, — вспоминают, как давным-давно им приходилось то ли слышать, то ли читать, что из всех способов самоубийства самый простой и легкий — броситься в воду.

А Ковент-Гарденский рынок на рассвете, весенней или летней порой, когда сладостное благоухание цветов заглушает еще не рассеявшийся смрад ночной гульбы и сводит с ума захиревшего дрозда, который провел всю ночь в клетке, вывешенной за чердачное окошко! Бедняга! Он один здесь сродни тем маленьким пленникам, что либо валяются на земле, увянув от горячих рук захмелевших покупателей, либо, сомлев в тугих букетах, ждут часа, когда брызги воды освежат их в угоду тем, кто потрезвее, или на радость старичкам конторщикам, которые, спеша на работу, станут с удивлением ловить себя на невесть отсюда взявшихся воспоминаниях о лесах и полях.

Но я не буду больше распространяться о своих странствованиях. Передо мной стоит другая цель. Мне хочется рассказать о случае, отметившем одну из моих прогулок, описание кото-рых я и предпосылаю этой повести вместо предисловия.

Однажды вечером я забрел в Сити и, по своему обыкновению, шел медленно, размышляя о том о сем, как вдруг меня остановил чей-то тихий, приятный голос. Я не сразу уловил смысл вопроса, обращенного явно ко мне, и, быстро оглянувшись, увидел рядом с собой хорошенькую девочку, которая спрашивала, как ей пройти на такую-то улицу, находившуюся, кстати сказать, совсем в другой части города.

— Это очень далеко отсюда, дитя мое, — ответил я.

— Да, сэ, — робко сказала она. — Я знаю, что далеко, я пришла отсюда.

— Одна? — удивился я.

— Это не беда, что одна. Вот только я сбилась с дороги и боюсь, как бы совсем не заплутаться.

— Почему же ты спросила меня? А вдруг я пошлю тебя не туда, куда нужно?

— Нет! Этого не может быть! — воскликнула девочка. — Вы ведь старенький и сами ходите медленно.

Не берусь вам передать, как поразили меня эти слова, сказанные с такой силой убеждения, что у девочки даже выступили слезы на глазах и все ее хрупкое тельце затрепетало.

— Пойдем, я провожу тебя, — сказал я.

Девочка протянула мне руку смело, точно знала меня с колыбели, и мы медленно двинулись дальше. Она старательно принаравливалась к моим шагам, как будто считая, что это ей надо вести и охранять меня, а не наоборот. Я то и дело ловил на себе взгляды моей спутницы, видимо старавшейся угадать, не обманывают ли ее, и замечал, как взгляды эти раз от разу становятся все доверчивее и доверчивее.

Трудно было и мне не заинтересоваться этим ребенком — именно ребенком! — хотя ее столь юный вид объяснялся скорее маленьким ростом и хрупкостью фигурки. Одета она была, пожалуй, чересчур легко, но очень опрятно, и ничто в ее облике не говорило о нищете или заброшенности.

— Кто же тебя послал так далеко, да еще одну? — спросил я.

— Тот, кто очень любит меня, сэ.

— А по какому делу?

— Этого я не могу вам сказать, — твердо ответила девочка.

Получив такой ответ, я с невольным удивлением посмотрел на нее. Что же это за поручение, если исполнительницу его заранее подготовили к вопросам? Быстрые детские глаза сразу же прочли мои мысли, и, посмотрев мне в лицо, девочка добавила, что ничего дурного тут нет, но только это большая тайна — тайна даже для нее.

В словах девочки не чувствовалось намерения схитрить или провести меня; они прозвучали с простодушной откровенностью, не оставлявшей сомнений в их правдивости. Мы шли всё так же рядом; мало-помалу она свыклась со мной и начала весело болтать, но о своих домашних делах не обмолвилась больше ни словом, спросив только, короче ли эта новая дорога, которой я ее веду.

Я перебирал в уме сотни различных объяснений этой загадки и отбрасывал их одно за другим. Совесть не позволяла мне воспользоваться простодушием и признательностью ребенка. Я люблю детей, и если они, так недавно оставившие божью обитель, отвечают нам тем же, их любовью шутить нельзя. Меня так обрадовало доверие этой девочки, что я решил заслужить его и не обманывать детского чувства, правильно подсказавшего ей, на кого она может положиться.

Но почему бы мне не повидать человека, который столь легкомысленно послал ребенка в такую даль, поздно вечером, без провожатых? А что, если вблизи дома она простится со мной? Предвидя это, я выбирал окольные пути, так что девочка узнала свою улицу лишь тогда, когда мы вышли на нее. Радостно хлопав в ладоши и побежав вперед, моя новая знакомая остановилась у маленького домика, дождалась меня на ступеньках и постучалась в дверь.

Часть этой двери была застекленная, без ставней, но я этого сначала не заметил, так как за ней стояли тьма и полная тишина, к тому же мне (не меньше, чем девочке) хотелось поскорее услышать ответ на наш стук. Она постучала второй, третий раз, и только тогда в доме послышалось какое-то движение, а еще через минуту за стеклом блеснул слабый огонек, при свете которого я увидел и комнату и человека, медленно пробиравшегося к нам среди беспорядочно нагроможденных вещей.

Это был невысокий старик с длинными седыми волосами, лицо и фигуру которого ясно освещала свеча, так как он держал ее над головой и смотрел прямо вперед. Старость давно наложила на него свою печать, и все же мне показалось, будто в этом высохшем, тщедушном теле есть что-то общее с хрупкой фигуркой моей маленькой спутницы. Глаза — голубые у обоих — были бесспорно похожи, но лицо старика бороздили такие глубокие морщины и оно носило следы таких тяжких забот, что на этом сходство кончалось.

Комната, по которой он не спеша пробирался, представляла собой одно из тех хранилищ всяческого любопытного и редкостного добра, какие еще во множестве таятся по темным закоулкам Лондона, ревниво и недоверчиво скрывая свои пыльные сокровища от посторонних глаз. Здесь были рыцарские доспехи, маячившие в темноте, словно одетые в латы привидения; причудливые резные изделия, попавшие сюда из монастырей; ржавое оружие всех видов; уродцы — фарфоровые, деревянные, слоновой кости, чугунного литья; гобелены и мебель таких странных узоров и линий, какие можно придумать только во сне.

Бледный как тень старик удивительно подходил ко всей этой обстановке. Может быть, он сам и рыскал по старым церквям, склепам, опустевшим домам и собственными руками собирал все эти редкости. Здесь не было ни единой вещи, которая не казалась бы под стать ему, ни единой вещи, которая была бы более древней и ветхой, чем он.

Повернув ключ в замке, старик посмотрел на меня с недоумением, и оно ничуть не уменьшилось, когда его взгляд упал на мою спутницу. А она сразу же, с порога, стала рассказывать ему о нашем знакомстве, называя его дедушкой.

— Голубка моя! — воскликнул старик, глядя ее по голове. — Как же это ты заплуталась? Что, если бы я потерял мою маленькую Нелл!

— Не бойся, дедушка! — уверенно сказала она. — К тебе я всегда найду дорогу.

Старик поцеловал ее, потом повернулся ко мне и пригласил меня зайти в дом, что я и сделал. Дверь снова была заперта на

ключ. Идя впереди со свечой, он провел меня через то хранилище разных вещей, которое я видел с улицы, в небольшую жилую комнату с дверью, открытой в соседнюю каморку, где стояла кровать под стать только фее — такая она была маленькая и нарядная. Девочка зажгла вторую свечу и упорхнула к себе, оставив меня наедине со стариком.

— Вы, должно быть, устали, сэ, — сказал он, пододвигая к камину стул. — Не знаю, как мне благодарить вас.

— В следующий раз проявите больше заботы о своей внучке. Иной благодарности мне не нужно, друг мой! — ответил я.

— Больше заботы? — дребезжащим голосом воскликнул он. — Больше заботы о Нелли! Да можно ли любить ребенка сильнее!

Это было сказано с таким неподдельным изумлением, что я растерялся; к тому же немощность и блуждающий, отсутствующий взгляд сочетались у моего собеседника с глубокой, тревожной задумчивостью, которая сквозила в каждой черте его лица, убеждая меня в том, что старик вовсе не выжил из ума и не впал в детство, как мне показалось сначала.

— По-моему, вы мало думаете... — начал я.

— Мало думаю о ней! — перебил он меня на полуслове. — Мало думаю! Как вы далеки от истины! Нелли, маленькая моя Нелли!

Кому другому удалось бы выразить свои чувства с такой силой, с какой выразил их этими четырьмя словами старый антиквар! Я ждал, что последует дальше, но он подпер рукой подбородок и, покачав головой, уставился на огонь.

Мы сидели в полном молчании, как вдруг дверь каморки отворилась, и девочка, с распущенными по плечам светло-каштановыми волосами, раздурмянившаяся от спешки, — так ей хотелось поскорее вернуться к нам, — вошла в комнату. Она сейчас же принялась собирать ужин, а старик тем временем стал приглядываться ко мне еще внимательнее. Меня очень удивило, что девочке приходится все делать самой, — по-видимому, кроме нас, в доме никого не было. Улучив минуту, когда она вышла, я рискнул заговорить об этом со старым антикваром,

но он ответил, что и среди взрослых людей мало найдется таких разумных и заботливых, как его внучка.

— Мне всегда больно смотреть, — взволнованно начал я, усмотрев в его ответе всего лишь эгоизм, — мне больно смотреть на детей, которым приходится сталкиваться с трудностями жизни чуть ли не в младенчестве. Это убивает в них доверчивость и душевную простоту — лучшее, что им даровано богом. Зачем заставлять ребенка делить с нами наши тяготы, когда он еще не может вкусить радостей, доступных взрослому человеку?

— Ее доверчивости и душевной простоты ничто не убьет, — сказал старик, твердо глядя мне в глаза. — В ней это заложено слишком глубоко. А кроме того, у детей бедняков так мало радостей в жизни. За каждое, даже скромное удовольствие надо платить.

— Но... простите меня за смелость... вы, наверно, не так уж бедны, — сказал я.

— Это не мой ребенок, сэр, — возразил старик. — Ее мать была моей дочерью, и она терпела нужду. Мне ничего не удастся откладывать... ни одного пенни, хотя вы сами видите, как я живу. Но... — Тут он тронул меня за плечо и, нагнувшись, зашептал: — Придет время, и она разбогатеет, она будет важной леди. Не осуждайте меня, что я обременяю Нелл хлопотами по дому. Это доставляет ей радость, и она не перенесла бы, если бы я поручил кому-то другому ту работу, с которой могут справиться ее маленькие ручки. Вы говорите, я мало думаю о своей малютке! — воскликнул он в сердцах. — Но Господь знает, что у меня нет другой заботы в жизни, — все мои помыслы только о ней! Знает, а удачи мне не шлет... не шлет!

В эту минуту та, о ком шла речь, снова появилась в комнате, и старик, сразу замолчав, знаком пригласил меня к столу.

Только мы принялись за трапезу, как в дверь постучали, и Нелл с веселым смехом, от которого у меня сразу потеплело на сердце, — столько в нем было детской беззаботности, — сказала, что это, наверно, прибежал добрый Кит.

— Вот баловница! — Старик ласково погладил ее по волосам. — Вечно она подтрунивает над бедным Китом.

Девочка рассмеялась еще веселее, и, глядя на нее, я сам не мог удержаться от улыбки. Старик же взял свечу, пошел отпереть дверь и вскоре вернулся в сопровождении Кита.

Кит оказался кудлатым, нескладным подростком с огромным ртом, очень красными щеками, вздернутым носом и невероятно комичным выражением лица. При виде чужого человека он замер на пороге, неловко переминаясь с ноги на ногу, уморительно тараща на нас глаза и теребя в руках совершенно круглую шляпу без всякого признака поля. Я с первого взгляда проникся благодарностью к этому мальчику, почувствовав, что он единственный вносит веселье в жизнь маленькой Нелл.

— Далеко я тебя посылал, Кит? — спросил старик.

— Да признаться, хозяин, путь не ближний, — ответил мальчик.

— А дом сразу нашел?

— Да признаться, хозяин, не очень-то сразу.

— Ты, конечно, проголодался?

— Да признаться, пожалуй, что и так.

У мальчика была странная манера говорить, стоя боком к собеседнику и дергая головой, точно это движение помогало ему извлекать наружу собственный голос. Он мог бы развеселить кого угодно, но маленькую Нелл его чудачества приводили прямо-таки в восторг, и я радовался за девочку, видя, что в этом доме, где ей совсем не годилось жить, она находит, над чем посмеяться. Киту явно льстил такой успех: поняв всю безнадежность своих попыток сохранить серьезное выражение лица, он вдруг прыснул, да так и зашелся от смеха, стоя с широко открытым ртом и зажмуренными глазами.

Старый антиквар снова погрузился в апатию, ничего не видя вокруг себя; но от моего внимания не ускользнуло, что ясные глаза девочки затуманились слезами, вызванными радостью при встрече с ее неказистым любимцем после всех волнений этого вечера. Что касается Кита, готового в любую минуту перейти от смеха к плачу, то он удалился в угол, прихватив с собой огромный ломоть хлеба с мясом и кружку пива, и с жадностью принялся уничтожать и то и другое.